

ЭКОНОМИКА ГОСУДАРСТВА, ЭКОНОМИКА РЕГИОНА, ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

ДВАДЦАТЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ
Тюмень, 11 февраля 2015 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, зам. директора Центрального экономико-математического института РАН Г.Б.Клейнер.

Ключевые слова: экономика, кризис, конкуренция, кооперация, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Конечно, двадцатая — уже двадцатая! — встреча в рамках «Губернаторских чтений» должна была оказаться особенной. И она будет особенной. Но прежде всего я хотел бы произнести слова искренней личной благодарности всем тем, благодаря кому этот необычный, не имеющий аналогов в России проект живет и развивается. Это весь персонал Тюменской областной научной библиотеки во главе с Ольгой Борисовной Адамович; это мой советник Владимир Михайлович Горюнов; это большой друг Тюменской области Святослав Игоревич Каспэ; а главное, это все вы, неизменно до отказа заполняющие этот зал. И, конечно, мы признательны лекторам, откликающимся на наши приглашения. Спасибо, Георгий Борисович.

Теперь поясню. Сегодняшний лектор занимает особое место даже в том блестящем интеллектуальном созвездии, которое побывало в Тюмени за эти годы. Ведь «Губернаторские чтения» — они еще и «губернские». В том смысле, что нас здесь, разумеется, в первую очередь интересует региональный разрез, региональное преломление современной повестки дня — и глобальной, и национальной. Не скрою, некоторых лекторов приходилось специально подталкивать к такому развороту разговора. Сегодня — другой случай. Потому что основной научный интерес Георгия Борисовича Клейнера — члена-корреспондента

Российской академии наук, зам. директора Центрального экономико-математического института — лежит именно в этой плоскости. Все мы знаем, что есть микроэкономика и макроэкономика — и студентов, присутствующих здесь, тоже наверняка этому учат. А Георгий Борисович специализируется на изучении *мезоэкономики* — того промежуточного уровня, к которому относятся отрасли, вертикально интегрированные комплексы, сетевые структуры, кластеры, крупные корпорации. И, конечно, регионы. О происходящем на этом уровне говорится довольно редко; и еще реже говорится компетентно. А между тем именно на нем предстоит найти большую часть ответов на те жесткие вызовы, которые стоят перед нами сегодня. Приступим же к поиску этих ответов.

А теперь, как обычно, слово бессменному модератору наших Чтений.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор Высшей
школы экономики
С.И.Каспэ**

К неполному перечню регалий Георгия Борисовича добавлю лишь один факт: в разделе «экономика» Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) его фамилия стоит на скромном первом месте. Уже лет шесть или семь. Sapienti sat.

И еще одно: экономисты бывают разные. И иногда некоторые из них — увы, немногие — говорят неожиданные вещи. Приведу цитату: «...Этическая сторона жизни человека не отделена непроходимой стеной от экономической, вопреки распространенным представлениям. Более того, этика представляется своеобразной средой, в которой и протекает экономическая жизнь человека. Если экономика всеобъемлюща, то этика всепроникающа: первая (экономика) представляет собой своеобразную форму, оболочку, охватывающую практически каждый завершенный проект в сфере человеческой деятельности, в то время как вторая (этика) как воздух заполняет все внутренние пустоты, проникает во все составляющие этой деятельности. Каждый проект как относительно завершенная последовательность действий имеет экономическое выражение, но каждое действие, входящее в него, имеет этическое содержание».

Согласитесь, нечасто нам приходится слышать что-то подобное от экономистов! Это, собственно, фрагмент предисловия Георгия Борисовича к книге Фрэнка Найта «Этика конкуренции». Действительно: всякое экономическое действие имеет этическое измерение, этические последствия. Но и всякое этическое решение имеет экономическую цену. Нынешние трудные времена просто вынуждают нас с особенной остротой воспринимать эту взаимосвязь: сегодня балансировать экономику и этику необходимо особенно бережно, вспомним хотя бы свежий сюжет с отменой электричек — да разве только его...

Я очень надеюсь, что именно такой ракурс проблемы будет затронут самым серьезным образом — не только в лекции, но и в последующей дискуссии.

Г.Б.Клейнер

Мое выступление предварили очень уместной цитатой. Когда я вслушивался в слова, даже подумал: «О, надо взять на заметку и тоже цитировать». Ну а потом вспомнил, кто это написал...

Фрэнк Найт действительно является значимым, но, увы, очень недооцененным экономистом. Он, например, первым показал, что спрашивать предпринимателя, какова цель его бизнеса, все равно что задавать ему вопрос о цели мироздания. Однозначного ответа нет и быть не может!

В названии лекции проблема устойчивости поставлена для всех уровней экономики — государственного, регионального, уровня предприятия... И естественно, что обеспечить ее можно лишь тогда, когда эти уровни функционируют сообща. Это не только главная идея сегодняшнего доклада, но и мое видение будущего экономики России. При чем взаимодействие их должно осуществляться не только в административной, но и в этической сфере.

Всякую дискуссию нужно начинать с базовых позиций; попробую их сейчас определить. Несмотря на то что возможны различные варианты понимания сути государства, и региональные элиты, и предприятия, находящиеся на мезоуровне экономики, как бы в середине хозяйственной пирамиды, должны внимательно следить и за вышележащим, и за нижним уровнями.

Можно воспринимать государство: а) как автаркическую «вещь в себе»; б) как абсолютно открытую систему; в) как систему, развивающуюся изнутри самой себя, но имеющую тесные контакты с внешним миром. Следуя третьей точке зрения, в докладе я сначала рассмотрю наше внешнее окружение, затем внутреннюю структуру системы — ведь именно от качества их гармонизации зависит траектория движения экономики России в мировом пространстве.

Естественно, экономика тесным образом взаимосвязана с государством и обществом. Однако развитие экономической науки продемонстрировало, что экономику важно отличать еще и от бизнеса — это не совпадающие объекты. Получается, что отдельно существуют политическая структура государства, население и различные формы его самоорганизации, затем сфера народного хозяйства — и бизнес как «форма существования экономических систем», перефразируя Энгельса. Непосредственными контрагентами экономики, следовательно, являются социум и бизнес; государство возвышается над ними, поскольку отвечает за безопасность всех субъектов. Мы выбираем руководителей так, как если бы дети могли выбирать родителей — социум делегирует власти ответственность за свое будущее. На экономике, в свою очередь, лежит ответственность за то, чтобы предоставить бизнесу возможность инвестировать капитал в те или иные проекты, обеспечить социум материально, снабдить его рабочими местами. Последняя функция выходит на первый план именно в ситуации кризиса. Бизнес, со своей стороны, платит налоги, необходимые для жизнедеятельности государства, и инвестирует в экономику. Если вся цепочка «государство—экономика—

социум—бизнес» реализует свои функции, структура в целом развивается гармонично и эффективно.

Что такое современный кризис? Мы плывем на «Титанике»? Он столкнулся уже с айсбергом или все еще впереди?

Мы отказались от централизованно регулируемой экономики, поэтому надо смириться с кризисами, свойственными рыночной модели, с их различными формами и с их непредсказуемостью. В 1991—1992 гг. ВВП страны упал практически на 14%, в 1998—2000 гг. — на 5,3%, в 2008—2010 гг. почти на 8%. В следующем году, согласно прогнозам, нас ожидает его падение примерно на 4%. Здесь нет никакой драмы: нынешний кризис преодолим настолько, насколько и предыдущие. Впрочем, ясно, что он не последний. Кризисы — неотъемлемая часть реальной жизни как человека, так и государства. «Человеку для счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья», — считал Достоевский. В одни периоды «экономика должна быть экономной», как говорилось при Брежнев, в другие — «расточительной», как писал Бодрийяр. Сейчас правительство склоняется к принципу экономии, пытается отказаться от 10% бюджетных расходов. Позже я выскажу свою точку зрения на этот счет.

В кризис надо жить, преодолевать негативные последствия, двигаться дальше. В докризисном 2013 г. более 50% промышленных предприятий уже находились в нестабильном положении; на подъеме были всего 2% из них. Глядя даже только на эти показатели, можно было предсказать дальнейшее развитие ситуации. Спусковым крючком, конечно, послужила геополитическая обстановка, но глубинная причина — неблагоприятный общий экономический фон страны.

В 2010-х годах темпы роста и российской, и мировой экономики стали падать. Экономическая политика оказалась неадекватной реальному положению дел, а экономическая теория замкнулась на себе и тоже утратила связь с реальностью. Однако лишь их системное единство может обеспечить нормальное, сбалансированное развитие. Есть такой хрестоматийный вопрос: почему Россия не Америка? Разница не только в станках, социальных типах работников, экономических школах (хотя различия действительно есть). По-другому устроены связи между экономической теорией и практикой! И для России их несогласованность серьезнее большинства других проблем! В 1990-е годы отдельные теоретические постулаты буквально «с колес» превращали в законодательные акты, которые, конечно, не работали, — и попытки заставить их работать привели к утрате почти половины национального богатства. Поэтому нужно четко понимать, что воплощение теорий в экономические реалии зачастую происходит не так, как мы ожидаем. И еще реже — так, как нам хотелось бы.

Мой опыт показывает, что, если вначале не согласовать базовые позиции, не получится оказать воздействие ни на одного политика. С этой целью в последние годы я пытаюсь продемонстрировать, что экономика как система, с одной стороны, состоит из четырех упомя-

нутых выше элементов («государство—экономика—социум—бизнес»), а с другой, имеет три смысловых измерения: политическое, научное и хозяйственное.

В кризисный период отношения между элементами экономики как системы должны быть равноправными — с акцентом не на конкуренции, а на сотрудничестве. Экономическую политику России следует строить так, чтобы она обеспечивала равномерное развитие всей территории страны, это императив. Цепочка «государство—регион—предприятие» задает каркас экономики в целом, при наличии в ней разрывов бесполезно думать о каком-либо движении вперед. Вообще, в условиях кризиса надо осторожнее относиться к любым разговорам о «прорывах»: любой военный знает, как нехорошо, когда арьергард значительно отстает от авангарда.

Государство — субъект макроуровня; регионы, отрасли и крупные комплексы — мезоуровень; предприятия, домохозяйства и физические лица относятся к сфере микроэкономики, и о них тоже нельзя забывать. Каждому из перечисленных субъектов в период кризиса требуется обеспечить возможность нормального существования. Охрана жизни населения, международный суверенитет — области безусловной ответственности государства, поэтому должна соблюдаться и стабильность его регионального состава. К сожалению, на фоне демонстративных забот о суверенитете некоторые отрасли экономики просто потеряли свою субъектность. Между тем из истории последних десятилетий ясно, что отраслевая структура играет в нашем развитии ключевую роль.

Прикладная наука, которой сейчас практически нет, по идее и интенции своей призвана связывать фундаментальную теорию и деятельность хозяйствующих субъектов. Раньше было так: в каждой отрасли работали прикладные технико-экономические институты, интегрировавшие мировые достижения и конвертировавшие их в практики. Теперь ни Минэкономразвития, ни Минпромторг не отвечают за эту деятельность. Да и сама деятельность почти замерла.

Модное сейчас «импортозамещение» способно поставить под угрозу существование целого ряда отраслей (приборостроение, станкостроение и т.д.), функционирующих на базе импортируемой продукции. Импортозамещение должно быть не средством, а результатом восстановления саморазвивающейся экономической системы! Не надо отказываться от торговли с другими, надо лишь сокращать степень зависимости от импорта в ключевых сферах, на которых основан суверенитет страны. Устойчивость государства обеспечит и устойчивость регионов, опирающихся на него как на общую платформу.

Есть ли концептуальная альтернатива у системного подхода к экономике? Да, можно говорить о разобщенной, индивидуализированной экономике. Еще в середине 1990-х годов я назвал экономику России «экономикой физических лиц», в которой разобщенность достигла максимального уровня: например, директор предприятия стоял сам за себя,

а не за коллектив, да и коллектив как таковой исчезал, атомизировался. Ущерб, нанесенный этой тенденцией, оказался масштабным и закономерным (его динамику можно проследить со времен СССР). Системность подразумевает, во-первых, системную экономическую теорию, отличную от либеральной неоклассической, во-вторых, системную экономическую политику, работающую в едином направлении (сейчас же принимается множество противоположно направленных решений). Система нуждается в устойчивости, которая не возникает и не разрушается просто так, в одно мгновение. Классическая теория, исходившая из постулата о полной рациональности экономических субъектов, постепенно перешла к более сложной модели, в которой признаются различные измерения индивидуальности — психология, этика, бессознательное и т.д. И все они имеют свои экономические последствия, которые нельзя игнорировать, а можно учесть только в рамках системной парадигмы.

Остановлюсь на нескольких конкретных дилеммах современной мировой экономики.

Монетаризм или реализм? На монетаризме, отводящем финансовому фактору решающую роль, основана наша экономическая политика — в частности, то представление, что манипуляции с процентной ставкой позволят управлять инфляцией. То есть мы думаем, что изменение макроэкономических ориентиров непосредственно и определяющим образом влияет на поведение хозяйствующих субъектов. Реальность показывает, что это не так: есть множество других факторов, финансовый — только один из них. С кризисом сейчас борются исключительно через банковскую систему (i.e. монетаристскими инструментами). Но я боюсь, что, перекадывая на нее ответственность за все аспекты экономического развития (инновационный, антиинфляционный и т.д.), мы вменяем банковской системе несвойственные ей, неорганичные для нее задачи, с которыми она просто не может справиться. Кстати, разница между Россией и Америкой состоит еще и в жесткости связи макро- и микроуровней экономики, то есть как раз во влиянии макроэкономических параметров на поведение хозяйствующих субъектов. У них — да, малейшее изменение учетной ставки сразу отзывается на микроуровне. У нас же эта связь никогда не была и еще долго не будет сильной. Может, и никогда не будет. Следовательно, ни теоретически, ни практически такое представление об оптимальных инструментах управления закладывать в прогнозы и решения не стоит. В современной ситуации отход от догматического монетаризма мне кажется критически важным и необходимым.

Конкуренция или кооперация? Поощряя конкуренцию, мы стилизуем экономических субъектов лбами. Кооперация действует обратным образом. По моему мнению, конкуренция как институт развития и борьбы и кооперация как институт стабилизации и поддержки по своему хороши на соответствующих этапах развития. Ведь конкуренция разворачивается не только за внимание потребителя, но и за внимание

региональных властей, за преференции и т.п. — она не способна самостоятельно решить все экономические проблемы. Чтобы в кризис не раскачивать лодку и с минимальными потерями удержаться на плаву, больше подходит кооперация: нельзя сохранить популяцию физических лиц, не сохраняя популяцию домохозяйств и популяцию предприятий! Однако уже сейчас многие предприятия начинают покидать рынок — я знаю, что нечто подобное происходит и в Тюменской области. Не должно быть никакого «санитара леса», который решает, какие хозяйства и предприятия неэффективны и больше не нужны. Не должно быть «войны всех против всех». В период кризиса кооперация должна преобладать, более того, еще некоторое время после него должно поддерживаться компромиссное поведение (то, что называют «конкооперацией» или «коокуренцией»).

Сохранять ли неэффективные предприятия? А что такое эффективность? Это ведь не только прибыль, рентабельность. Если предприятие занимает прочное место в экономике города, региона, то оно занимает его и в сознании людей, в культуре. Поэтому сохранение субъектов хозяйствования в условиях кризиса является императивом! Субъект вписан в социально-экономическую среду своей продукцией, другими предприятиями, которые, в свою очередь, поставляют продукцию для него, наконец, персоналом, для которого созданы рабочие места. Снижение прибыльности всего этого не отменяет.

Кризис не очистит экономику от «лишних» субъектов, потому что выживают не самые нужные и ценные, а наиболее безжалостные, способные для самосохранения принести в жертву других. Социальная ответственность бизнеса в период кризиса имеет особое значение. Она заключается не только в уплате налогов, не только в переработке сырья в продукцию высокого передела и даже не только в превращении необученных рабочих в квалифицированных. Предприятие по сути своей моральный агент, привносящий в общество определенные образцы поведения и этические нормы. Домохозяйство обладает похожими функциями и предваряет предприятие в воспитании новых поколений. Вуз — это тоже своего рода предприятие, тоже моральный агент. В труде как совместной целенаправленной деятельности мы формируем наше отношение к окружающему миру, поэтому роль коллектива при построении экономической политики никогда не следует выносить за скобки. Не забудем, в частности, об отношениях между начальником и подчиненным, описываемых в категориях «принципал—агент». В современной России такие отношения сложились в докризисный период и носят характер игры с нулевой суммой. Сейчас они должны измениться. В них следует внести элемент кооперации, который и будет лучшим ответом на вызовы времени.

Институты развития или институты стабилизации? Вообще-то я бы поставил на первое место по значимости такой институт стабилизации, как стратегическое планирование. Я принимал участие в разных стадиях разработки Федерального закона № 172 «О стратеги-

ческом планировании в Российской Федерации» и хорошо знаю, насколько сложен и труден был процесс его подготовки. Да и насколько результат оказался далек от первоначального замысла, тоже знаю. Принятый закон возлагает ответственность за стратегическое планирование на регионы, но практически не затрагивает хозяйствующие субъекты. И это неправильно, поскольку для эффективного и стабильного развития требуется охват стратегическим планированием всех уровней. Так создается цельность экономического пространства, причем не с момента утверждения плана, а уже с момента его обсуждения, которое консолидирует участников, гармонизирует их внутреннюю среду и позволяет почувствовать наличествующий потенциал.

Другой институт, способный сыграть стабилизирующую роль, — демократизация управления, о необходимости которой уже было косвенно упомянуто. Если коротко, то я выступаю в поддержку коллективных форм хозяйствования — в частности, народных предприятий и акционерных обществ работников. Такие формы одновременно защищены и от внешнего поглощения, и от пагубной внутренней конкуренции между подчиненными и руководством. Они могут стать точками роста нового экономического уклада, и кое-где в стране — например, в Липецкой области — они уже интенсивно развиваются.

Дело в том, что внутри предприятия должны быть сбалансированы интересы четырех групп: персонала, менеджеров, специалистов и собственников. Сейчас эти группы равновесны по вкладу в общий успех, но неравноправны как бенефициары и участники процесса управления. Поэтому нужно постараться гармонизировать, объединить их усилия в целях дальнейшего совместного развития, достижения оптимальной позиции на рынке. Международный опыт показывает, что для этого роль собственника должна быть уравновешена другими ролями — на основе демократического принципа. Только если представители каждой из групп войдут, например, в состав совета директоров, может возникнуть модель, способная вывести из кризиса как конкретное предприятие, так и то локальное экономическое пространство, в которое оно встроено.

Подводя итоги, я хотел бы сформулировать ряд рекомендаций — если угодно, рецептуру необходимой в нынешний момент экономической политики.

На национальном уровне стоит задача репозиционирования России: из монопродуктовой экономики она должна превратиться в диверсифицированную. В ситуации кризиса требуется регулирование экономики на всех уровнях с помощью всех доступных средств (а не только монетарных и конкурентных). Субъектность и состав отраслей должны быть восстановлены через реиндустриализацию; отрасли производства — подвергнуты реновации. Необходима и «ресайентизация», то есть создание прочной научной основы для производственной деятельности. Стратегическое планирование должно не замыкаться в себе, а выходить на оперативный уровень, поэтому требуется реконструкция системы

планирования и реорганизация системы принятия решений. Последнюю я бы предложил расширить: число палат Федерального Собрания можно увеличить, обеспечив представительство в нем тех субъектов, которые мы именуем «хозяйствующими».

Наконец, в своей деятельности агенты экономики обязаны блюсти свою репутацию и выстраивать ее продуманно. Нам остро нужна «реморализация» (термин заимствован мной у Аркадия и Бориса Стругацких), которая бы позволила предприятиям взять на себя роль моральных агентов, оказывающих влияние на воспитание общества.

Кризис не должен играть роль «санитара леса», но он может стать катализатором перезагрузки экономики. Чтобы его преодолеть, необходимо понимание системности экономики и реального хозяйства как ее центра. Знаменитый математик Морис Клайн в книге «Математика: Утрата определенности» сказал, что каждая наука начинает строиться с середины и растет одновременно вверх, к новым достижениям, и вниз, к обоснованию исходных посылок. Так же должна развиваться и российская экономика. Ее мезоуровень, то есть уровень регионов, должен стать основой, из которой вырастут и вершина, и база. И наше национальное самосознание.

**Депутат
Тюменской
городской думы,
генеральный
директор ООО
«Мостострой-11»
Н.А.Руссу**

Коллеги! Сегодня мы пытаемся найти рецепт того, как пережить очередной кризис: сопоставляем, анализируем... Поэтому хочу рассказать в заданном ключе о сфере, специалистом в которой являюсь, — о транспортной инфраструктуре.

Транспортная сеть — важнейший структурный элемент Тюменской области, пронизывающий ее от юга и до северных границ; он придает региону экономическую и территориальную целостность. Модернизация транспортной инфраструктуры влечет за собой снижение числа аварий и смертности на дорогах, улучшение экологии, повышение производительности труда в смежных отраслях, сокращение издержек производства и увеличение числа рабочих мест (с огромным мультипликативным эффектом). Отсутствие же инфраструктуры зачастую ставит под угрозу экономику целых территорий.

Однако развитие инфраструктуры требует большего внимания к внедрению новых технологий, закупке оборудования; новые мощности порождают потребность в квалифицированных специалистах. В среднем специалисту для приобретения соответствующей компетенции требуется восемь-десять лет, поэтому проекты должны быть настолько же долгосрочными. Однако где взять на это деньги? Мне кажется, подобную возможность предоставляют различные формы государственно-частного партнерства, повышающие прозрачность и результирующий эффект различных инициатив.

Один из проектов такого рода — строительство моста через реку Туру. Он позволит значительно сократить издержки, связанные с передвижением из Тюмени в Омск, Екатеринбург, даст возможность эконо-

номить не только время пути, но и топливные ресурсы, разгрузить городские магистрали. И этот, и другие проекты демонстрируют, что налаженная инфраструктура способна дать серьезный толчок развитию целых районов. Тюменский регион привлекателен для застройщиков и инвесторов в том числе благодаря транспортной доступности. Вложения государства в инфраструктуру окупаются не количественно, а качественно — через улучшение общей ситуации в регионах.

Как государство должно строить свою экономическую политику в условиях кризиса? Мне кажется, надо выбрать в каждом регионе 10—20 успешных предприятий, всесторонне изучить их опыт и подготовить его к переносу и расширенному воспроизводству (и научно, и практически). Сейчас судьба многих экономических инициатив передана в ведение банков. Но те пытаются использовать ситуацию, чтобы застраховать свою прибыль, и закладывают при кредитовании дополнительную маржу. Возможно, следует заставить банки делать какие-то послабления предприятиям с хорошим опытом и кредитной историей.

**Руководитель
направления
«Стратегическое
планирование
и развитие
бизнеса»
компании
СИБУР
О.П.Коновалов**

Опыт работы в крупнейшей нефтехимической компании России позволяет мне развить сказанное главным докладчиком относительно стратегии импортозамещения — на примере отечественного рынка полимеров.

Наша компания основывает свое прогнозирование на плане развития нефтегазохимической отрасли до 2030 г., согласно которому предполагается достичь общего роста спроса и еще большего роста предложения. В настоящий же момент потребление продукции находится на довольно низком уровне, а производство — еще ниже потребления. Такой дисбаланс порождает потребность в импорте.

Как от импорта перейти к экспорту высокотехнологичной нефтехимической продукции? Прежде всего необходимо вводить новые высокоэффективные — и поэтому высококонкурентные — мощности. Инвестор всегда задается однотипными вопросами: кто является прямым конкурентом в этой сфере? есть ли ресурсы для постройки новых заводов, как людские, так и материальные, и каково их качество?

Чтобы построить современное предприятие, нужно получить доступ к высокотехнологичным ресурсам. Однако СИБУР, планируя создать в Тюменской области крупнейший в мире завод по производству полимеров, столкнулся с тем, что лишь 20—30% оборудования оказалось возможно приобрести внутри страны: целый ряд продуктов отечественного машиностроения просто неконкурентоспособен. Между тем локализация производства позволила бы через мультипликативный эффект стимулировать экономику, поддержать суверенитет страны.

Государство могло бы предпринять конкретные шаги для поддержки импортозамещения: сначала ему следует признать, что локализовать все и сразу невозможно, затем — выбрать приоритетные направления.

Далее с представителями этих направлений надо согласовать «дорожную карту», связывающую федеральные органы исполнительной власти, банки, машиностроительные компании и потребителя. Исполнительная власть сможет формулировать пожелания к модернизируемым представителям отрасли и финансировать их. Заводы же, со своей стороны, будут поставлять оборудование в конкретные отрасли, приоритетные для власти, например в нефтехимию.

За увеличением предложения последует рост спроса на продукцию. Такой вывод нам позволяет сделать сравнительный анализ потребления отечественных полимеров и их зарубежных аналогов на мировом рынке. Тут мы существенно отстаем, поэтому надо наращивать объемы.

**Учредитель
Научно-исследовательского
института экологии
и рационального
использования
природных
ресурсов
Ю.В.Денек**

Еще раз подчеркну основную идею главного доклада: этика и кооперация чрезвычайно важны для бизнеса, особенно с точки зрения долгосрочного развития.

Опыт нашей организации созвучен не только зарубежному опыту, но и тому курсу на «ресайентизацию», о котором говорил Г.Б.Клейнер. Мы разрабатываем экологические технологии, которые позволяют снизить вред, наносимый окружающей среде нефтяной отраслью. Они нацелены на вторичную переработку ее отходов. Мы развиваем сотрудничество как с заказчиками и администрацией региона, так и с ведущими вузами, научно-исследовательскими институтами и лабораториями страны.

Наш институт не только занимается ликвидацией различных техногенных аварий (в том числе в Мексиканском заливе), но и направляет экспертов для участия в международных мероприятиях — например, в заседании секции природопользования Совета БРИКС.

В других регионах нашим представительством зачастую приходится привлекать государственные организации, чтобы добиться этически корректных условий для равноправной конкуренции. Но в Тюменской области, по нашему мнению, создано все необходимое для высокотехнологичного бизнеса. Мы выросли и развиваемся как организация, ориентированная на разработку новых технологий, именно благодаря созданной в регионе позитивной атмосфере.

**Доцент
Финансово-экономического
института
Тюменского
государственного
университета
И.Н.Вилков**

Стратегия развития любой территории должна основываться на использовании и усилении собственных конкурентных преимуществ. Эта цель может достигаться либо финансовыми льготами («все для всех»), либо уникальностью специализации (создание кластеров, встраивание в глобальные производственные цепочки и т.д.). Первую стратегию легко копировать, тем самым нивелируя ее эффект. Поэтому более высокая конкурентоспособность — и на мировом, и на страновом уровне — скорее достигается вторым способом.

Специализация в форме кластеризации (путь, выбранный Тюменской областью) позволяет сформировать в регионе дифференцированный спрос, сконцентрировать людские ресурсы, выстроить инфраструктуру, наладить производство новых технологий. Это долгосрочная инициатива, марафон, в котором, судя по различным национальным рейтингам, росту валового регионального продукта и т.д., наш регион уже занял высокие позиции. Предыдущий доклад представителя нефтегазохимического кластера — хорошее подтверждение общей тенденции.

Каковы перспективы дальнейшего развития? Наиболее привлекательным ресурсом для компаний в том или ином кластере являются используемые технологии, поэтому под формируемые производственные мощности требуется подвести соответствующую техническую базу, наладить взаимосвязь между наукой и предприятиями — как и говорилось в главном докладе.

**Свободный
микрофон**

Зам. председателя Тюменской областной думы В.А.Рейн:

Хотел бы поинтересоваться мнением Г.Б.Клейнера: какие коррективы нужно внести в опыт Липецкой области по развитию коллективных форм хозяйствования, чтобы адаптировать его к нашим потребностям? И второе — о четырехуровневой структуре экономики, о которой говорилось в главном докладе. Как мне кажется, сейчас уклоняется от исполнения своих функций прежде всего государство. Ведущие экономисты страны полагают, что предложенная экономическая программа выхода из кризиса в корне неверна; однако власть не пытается вести диалог ни с ведущими экспертами, ни с ключевыми регионами. Как найти выход из такой ситуации?

Руководитель тюменского отделения движения «В защиту человека труда» И.О.Ураков: Не могу не согласиться с особой значимостью темы демократизации управления предприятиями — для нас это очень важная тема. Может ли главный докладчик назвать успешные зарубежные модели социально-трудовой кооперации, которые позволили бы в условиях кризиса повысить мотивацию рабочих и производительность их труда?

Депутат Тюменской областной думы В.Ю.Пискайкин: Сейчас повсюду вводятся ограничения цен, контроль за цепочками поставок... А какие ограничения вообще допустимы в условиях рыночной экономики?

Генеральный директор Инвестиционного агентства Тюменской области О.Л.Езикеева: Почему при распределении средств федерального бюджета среди регионов преобладает принцип «всем сестрам по серьгам»? Возможно, во время кризиса следует делать ставку на сильные регионы, способные стать локомотивами развития?

Профессор Тюменского государственного университета Л.М.Симонова: Насколько я понимаю, главный докладчик отстаивает тезис о приоритетности сохранения многосубъектности нашего экономического ландшафта. А может ли разнообразие стать чрезмерным и даже пагубным? И второй вопрос: разграничивая экономику и бизнес, должны ли мы разграничивать и системы подготовки кадров для них?

Директор завода «Polla» В.М.Коряков: На малый бизнес, представителем которого я являюсь, сегодня оказывают серьезное влияние и федеральные, и региональные власти. Уже два месяца мы пытаемся разобраться в новой обстановке, делаем подсчеты... Получается, что при росте курса евро на 1% у всех предприятий, работающих в нашей отрасли (изготовление конечной продукции из полимерного сырья), себестоимость производства возрастает на 30%! Этот факт ставит под сомнение возможность того импортозамещения, о котором говорил представитель СИБУРа: слишком много импортируемых компонентов используется! Будет ли СИБУР, чтобы удовлетворить существующие потребности, производить, например, сополимеры?

С.И.Каспэ: Почему бы не ответить сразу?

О.П.Коновалов: Ответ — да. Мы планируем производить в числе прочего и сополимеры.

В.М.Коряков: Мы находимся в очень печальном положении. Кредитный портфель малых предприятий, заложенный на 2015 г., вырос более чем на 100%, пропорционально ему выросли и затраты. Очевидным становится риск закредитованности посредников: банки их сейчас практически не кредитуют. Импортное оборудование подорожало стремительно, поэтому даже в Тюменской области в этом году программы развития начинают давать сбой...

Директор Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета профессор С.М.Моор: Есть ли у главного докладчика конкретные рекомендации, с помощью которых представители власти могли бы выстроить эффективную вертикаль управления экономикой? Именно экономикой, а не политикой?

Доцент Финансово-экономического института Тюменского государственного университета Т.В.Погодаева: Цикличность российской экономики напоминает не столько эволюцию, сколько инволюцию. Непрерывно повышаются риски деградации системы ценностей — императивная минимизация рисков подталкивает к логике выживания. Может ли регион в таких сложных условиях взять инициативу на себя и что-то изменить самостоятельно?

Руководитель экспертной группы Агентства стратегических инициатив, депутат Тюменской областной думы О.Л.Чемезов:

На уровне нашего региона существуют примеры кооперации бизнеса и государства в различных формах (поддержка бизнеса, государственно-частное партнерство и др.). Однако мне известно, что в Европе, например, распространена практика «налогового договора» — когда налоговый орган согласовывает с предприятием фиксированный объем отчислений и потом вообще не «ходит» к нему в течение пяти лет. Возможно ли такое в России?

(Грустный смех в зале)

Г.Б.Клейнер

Спасибо за весьма продуктивное обсуждение. Было затронуто много интересных вопросов.

Прежде всего — о демократизации управления предприятием, о возможности использования упомянутого мной опыта Липецкой области. Наша деятельность там была подкреплена эмпирическим и теоретическим сравнительным анализом: проводилось анкетирование различных предприятий — «народных», не «народных», демократизированных и иных. Затем результаты были сопоставлены с показателями по России в целом: оказалось, что если по всей стране доля предприятий, находящихся на подъеме, составляет только 2%, то в Липецкой области — 17%. При личном общении с людьми у меня возникало впечатление общего энтузиазма. Поэтому я горячий сторонник распространения этого опыта. Однако вертикаль власти до сих пор не осознала до конца его ценности и даже видит в нем угрозу — что совершенно ошибочно.

Добавлю, что вместо линии «вертикали власти» у нас скорее «пунктир власти». Все уровни разорваны, отношения между ними требуется выстраивать заново. Как? Убеждением, других методов нет. Об эффективности убеждения я сужу по личному опыту: не раз бывало, что мои высокопоставленные собеседники в процессе разговора просто на глазах меняли свою позицию.

С.И.Каспэ

А действия свои они потом тоже меняли?

Г.Б.Клейнер

Сложный вопрос... Но я вижу, например, как через несколько лет после того, как какая-то моя идея была опубликована, ее следы появляются в конкретных мерах. На самом деле люди, принимающие решения, очень много читают — и кое-что из прочитанного применяют на практике. Кстати, наше сегодняшнее обсуждение можно рассматривать именно как выстраивание «вертикали» экономического управления на уровне региона — от представителей малых предприятий до его главы.

Есть ли примеры того, что участие людей труда в управлении предприятиями приводит к повышению общей производительности? Есть.

Часть предприятий США, такие, например, как Lockheed или Boeing, используют системы ESOP (employee stock ownership plan), подразумевающие наделение работников акциями. Уже в силу акционерного законодательства это позволяет им принимать участие в управлении. Существует и европейская ассоциация предприятий, собственниками которых являются рабочие; она уже накопила колоссальный опыт. Я не сторонник слепого копирования, но позитивные элементы мирового опыта, несомненно, надо изучать и применять в России. У Китая, Германии, Франции можно многому научиться, в том числе и этому.

Совместим ли контроль с рыночной экономикой? Я не думаю, что постоянно увеличивающееся у нас число запретительных мер согласуется с принципами рыночной экономикой. Но если мы говорим о стратегическом планировании, то контроль над выполнением планов необходим — именно в условиях рыночной экономики и без покушения на ее основы. Видов рыночной экономики, кстати, существует много, и нужно уметь работать с учетом их специфики. В конце концов, законы рынка действуют не потому, что приняты Государственной Думой, а потому, что они производны от природы человека!

Надо ли в ситуации кризиса больше поддерживать сильные регионы? Нет, именно в такой период нужно поддерживать всех! Каждый регион — это люди, которые просто не могут моментально перебраться куда-нибудь еще. Известная гипотеза Тибу, согласно которой свободная миграция между локальными сообществами автоматически приводит к оптимальному распределению благ, в российском пространстве просто не работает, потому что социальная мобильность у нас очень низкая, а социально-культурная среда имеет для человека чрезвычайное, ключевое значение.

Интереснейший вопрос: может ли разнообразие быть чрезмерным? Да. Для каждого человека, каждой территории, каждой страны должна быть найдена его оптимальная степень. Причем надо думать о разнообразии не только в пространстве, но и во времени: мы ведь и против застоя, и против слишком стремительных изменений! Именно эту проблему в числе прочих пытается разрешить теория системной экономики.

О посредниках. Руководителям предприятий той же Липецкой области был задан вопрос: необходимо ли ограничивать деятельность посредников? Они практически единодушно (до 90%) высказались «за». Сейчас в цепи между потребителем и поставщиком присутствует слишком много лишних элементов, зачастую играющих негативную роль в ценообразовании. Однако реструктуризацию этих цепей следует проводить осторожно, сокращая число посредников бережно и постепенно.

Банкам предоставлены обширные средства как бы для кредитования промышленности. А куда они идут на самом деле? Центробанк практически не может отследить их судьбу. Какой возможен выход? Непосредственные, прямые отношения между потребителем и произво-

дителем! Потребитель может сам принять решение о кредитовании производителя, и наоборот.

Может ли отдельный регион выступить как «один в поле воин»? Вы знаете, мне вспоминается старый спектакль студенческого театра МГУ. Там на сцену сначала выходил один актер и повторял фразу: «Что я могу сделать один?». Затем выходил другой актер и говорил то же самое. Затем третий — и так далее. Возникал кумулятивный эффект, и в конце появлялся режиссер, который руководил уже целым хором, слаженно скандирующим: «Что я могу сделать один?». Таков мой ответ на этот вопрос.

(Аплодисменты)

В.В.Якушев

Наши двадцатые Чтения действительно получились особенными — не только из-за круглого числа. Вы знаете, что обычно я вступаю в дискуссию с нашими лекторами. Но сегодня я впервые оказался согласен практически со всеми тезисами доклада. Спасибо!

Да, в период кризиса нужно именно повышать взаимное доверие, кооперироваться, на время смягчить конкуренцию — это очень важная мысль. Это просто руководство к действию!

Да, из уст высокопоставленных чиновников зачастую звучат высказывания, что кризис — «санитар леса», который расставит все на свои места. Я рад, что мы с Георгием Борисовичем с этим категорически не согласны. Так очень легко создать перекосы в экономической структуре, с которыми потом придется мучительно бороться. Как известно, ломать — не строить.

Да, прикладная наука сегодня практически отсутствует, и поэтому наука фундаментальная лишена контактов с производством. В советские времена именно в прикладной науке была наша сила, она служила мостом от теории к практике. Поэтому мы обладали технологиями, которые позволяли нам успешно развиваться и удерживать мировое лидерство по множеству параметров.

Да, в экономической политике государства монетаристское видение сегодня превалирует. Мы обсуждаем ключевую ставку, то, как будем ее субсидировать, какие гарантии должны предоставлять регионы и предприятия... Но не говорим, что нам надо кооперироваться! И нельзя забывать о моральной стороне бизнеса. Он по своей природе призван к социальной ответственности, не ограниченной уплатой налогов и точечными финансовыми субсидиями. Эту тему следует рассматривать масштабнее — точно так, как предложил Георгий Борисович. Да, сейчас с моралью у нас плохо. Ну так надо ее возрождать!

Говоря о взаимосвязи федерального центра и регионов, о взаимосвязи региональной власти и предприятий, мы не должны также забывать о местном самоуправлении. Оно наделено своими полномочиями, своими закрепленными в Конституции принципами работы. Этот ресурс мы используем совершенно недостаточно.

Теперь о трудностях в отношениях власти и бизнеса. Есть такой парадокс: когда экономическая ситуация стабильна, администрация области настоятельно советует бизнесу использовать это время для технологического переоснащения, чтобы обеспечить запас устойчивости и конкурентоспособности. А бизнес просит оставить его в покое, бизнес отвечает: «У нас все хорошо, разберемся сами!» Пусть так. Но когда приходит кризис, бизнес, наоборот, жаждет внимания. В ближайшее время у меня состоится встреча с его представителями, и по опыту 2008—2009 гг. я примерно представляю, как пойдет разговор. «Очень высокая процентная ставка, где региональная власть? Почему она ничего не делает? Какие субсидии и гарантии будут выдаваться? Организуйте нам заказы! Помогите в обеспечении поставок, потому что железная дорога плохо работает!» Но где вы были раньше, когда мы сами предлагали вам менять менеджерские подходы, производить технологическое переоснащение?

Конечно, в формате тесной взаимосвязи агентов различных уровней экономики внутри региона работать сложно, но подчеркну, что в период кризиса 2008—2009 гг. мы почувствовали определенную консолидацию и пытались решить многие проблемы сообща. Однако как только в 2010 г. случился стремительный экономический рост, бизнес сразу забыл о налаженных формах коммуникации. Мне кажется, что это болезнь не только Тюменской области, но и всей Российской Федерации, и, чтобы от нее излечиться, надо чаще встречаться и разговаривать, прислушиваясь друг к другу. Иначе выживут только эгоисты: уже сейчас мы получаем сигналы, что ряд предприятий вообще не пытается сохранить свои коллективы, а, наоборот, хочет максимально и побыстрее сузиться. А с людьми что будет? Они попадут на рынок труда, пойдут в службы занятости, начнут задавать вопросы. Их надо будет снабжать пособием по безработице, трудоустраивать, переобучать! Эти затраты покроеет региональный и федеральный бюджет. Вот и получится, что предприятия-эгоисты решат свои проблемы за счет других налогоплательщиков. Тут говорить о совместном развитии, да просто об элементарной морали не приходится. Увы, подобных случаев много. К счастью, существуют и руководители, которые идут навстречу, понимают ситуацию, используют меры, предотвращающие рост безработицы. Мы долго работали в этом направлении, и иногда результат оказывается приятно неожиданным.

Теперь, учитывая свое профессиональное прошлое (я ведь бывший банкир), хочу отреагировать на один из главных вопросов, который сейчас волнует людей. Я не удовлетворен тем, как Центробанк осуществляет политику сдерживания курса национальной валюты и стоимости кредитных ресурсов. Резкое повышение ключевой ставки до 17%, потом совсем непонятное снижение до 15%... Это серьезный удар по экономике. В условиях, когда растут и все иные риски, такую процентную ставку ни одно предприятие не выдержит. А ведь Центробанк располагает и другими инструментами контроля. Мне непонятно, почему их

не задействовали еще до Нового года, чтобы не допустить дальнейших скачков (что, замечу, советовали многие эксперты).

Огромный отток капитала, колебания курса национальной валюты — все говорит о том, что нет системного контроля над процессами на валютном рынке. Дополнительную неразбериху создают спекулянты. С ними можно было справиться, вообще не прибегая к повышению процентной ставки, а, например, введя дополнительный налог на покупку валюты или запретив свободную покупку валюты юридическими (не физическими!) лицами, разрешенную, к слову сказать, буквально пару лет назад. До этого валюта продавалась только под паспорта сделок (на покупку зарубежного оборудования и т.д.). Почему нельзя вернуться к этой разумной практике?

Или можно обязать банки при закупке валюты на собственные нужды вносить страховые депозиты — в несколько раз большие, чем приобретаемая сумма. Такая мера ограничила бы их спекулятивный импульс, поскольку банки, конечно, всегда играют на разнице курса. Удержаться от спекуляций в ситуации, когда валюта выросла практически в два раза, мог только глупец. А глупцов там нет. Поэтому я думаю, что отчеты государственных банков за март-апрель покажут серьезную прибыль. Хотя ее можно и загнать в резервы, чтобы не фиксировать на балансе...

У неспециалистов в ситуации кризиса сразу же возникает желание докапитализировать банки. Я специалист, и у меня такого желания нет. Те средства (около 350 млрд. руб.), которые хотят пустить на докапитализацию, можно было бы направить в регионы, решив тем самым реальную проблему — закредитованность регионов коммерческими банками! Последние, кстати, уже хотят изменить процентную ставку, поднять ее до 24—26% годовых! И что тогда будет? Положим, у нашего региона долгов нет, но как быть остальным?

Прежде всего надо разобраться, какую прибыль получают банки, а уже потом принимать какие-то меры. Решив проблему банков, нам стало бы проще формировать региональную политику. Конечно, спасение утопающих — дело рук в первую очередь самих утопающих, поэтому нужно, с одной стороны, выполнять уже принятые программы развития, с другой стороны, корректировать их там, где можно ужаться. Но беречь те позиции, где этого делать нельзя!

На ближайшее время у меня намечен ряд встреч на тему, как область планирует жить в 2015—2017 гг. Раньше мы, формируя трехлетний бюджет, позволяли себе говорить больше о годе предстоящем (например, в 2014 г. — о 2015 г.). Теперь стало ясно, что 2015 г. окажется самым простым. В 2016 г. будет труднее, в 2017 г. — еще труднее. Резервы постепенно расходуются, политические условия ужесточаются, а дополнительные ресурсы скоро станет получать неоткуда. В настоящий момент, например, мы только начинаем ощущать увеличение числа обращений в службу занятости. Оно связано еще даже не с увольнениями, а со снижением заработных плат: предприятия страхуются, отказываются

от премиальных. Поэтому люди приходят просто посмотреть на наличные вакансии. Но это пока цветочки, ягодки впереди.

Все возможные меры мы должны оценивать не менее чем в трехлетнем горизонте. Только так мы сможем понять, что требуется делать в настоящий момент. Уже к концу этой недели правительство Тюменской области попытается сформировать полное понимание кризисной ситуации: мы проведем консультации и с производителями, и с депутатами Областной думы, и с представителями муниципалитетов. Антикризисный план на три года должен быть максимально публичным и прозрачным. За этот период необходимо консолидироваться, выработать механизмы совместного принятия и реализации решений (в том числе жестких). Только так, работая сообща, мы сможем преодолеть кризис с минимальными потерями.

(Аплодисменты)

С.И.Каспэ

Наша встреча началась словами благодарности В.В.Якушева тем людям, без которых «Губернаторские чтения» были бы невозможны. Теперь я добавлю к ним то, что сам губернатор просто не мог произнести. Понимаете, придумать хороший проект — еще не все, это меньше чем полдела. Мы с вами знаем, как часто интерес к хорошему проекту постепенно утрачивается — как говорится, «пар выходит». Как в знаменитом монологе Гамлета: «И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия». У нас не так. Уже двадцать Чтений состоялись; и состоялись они прежде всего потому, что сам губернатор не утрачивает к ним интереса. Проект находится не только в поле его зрения, но и буквально на его рабочем столе, поверьте, я это просто знаю. Владимир Владимирович, спасибо.

(Аплодисменты)